

Леонид Гавиг

ИЗБРАННОЕ

Леонид Равиц

ИЗБРАННОЕ

Советский писатель
Ленинград

1958

Составитель В. Б. Азаров

УЧЕНИК МАЯКОВСКОГО

Маленькая тетрадка журнала «Новый Леф», заголовок: «Письмо Равича и Равичу», и в конце его знакомая подпись. Позднее это письмо войдет в однотомники, в собрания сочинений В. В. Маяковского, будет цитироваться в диссертациях и статьях наряду с замечательной его работой «Как делать стихи». Но для тех, чья поэтическая юность начиналась на рубеже двадцатых и тридцатых годов, сейчас, как и много лет тому назад, это — сегодняшнее, живое, дружеское письмо великого революционного поэта к одному из наших сверстников.

Кто же был двадцатилетний счастливец, удостоенный слов «вы очень способны к деланию стихов» из уст мастера, столь скупого на похвалу? Как использовал он советы Маяковского, как жил и работал дальше?

Поэзия Леонида Равича обладает той особенностью, о которой он простосердечно сказал в письме к Маяковскому: «Все описываемое — правда». Прочитавший эту романтическую, реальную в своей основе книгу узнает из нее и биографию автора, услышит неповторимую, живую интонацию его голоса.

Маяковский, сам ворочавший громады лирических и эпи-

ческих, продиктованных жизнью тем, поставил перед молодым, способным поэтом, приславшим ему одно из своих первых стихотворений, задачу-требование дать не приблизительную достоверность художественного рассказа, а саму *правду* жизни. Он звал к политической тенденциозности и внутреннему, подсказанному наступательным боевым маршем Октябрьской эпохи, социальному оптимизму.

Молодой поэт-комсомолец, потрясенный обрушенной на его плечи похвалой и тяжестью требований, не отписался, а ответил Маяковскому делом всей своей жизни.

Леонид Равич родился 18 июля 1908 года на Украине, в городе Елисаветграде (ныне Кировоград). Отец его был приказчиком посудного магазина. С пятнадцати лет Равич начал самостоятельно работать. Об этих годах, когда мечтательному подростку пришлось столкнуться со злобным стяжательством мелких хозяйчиков и с уродливой изнанкой изповской улицы, убедительно рассказано в его первых, поправившихся Маяковскому, стихах и в автобиографической поэме «Чудесная эпоха», законченной незадолго до смерти. Да, Равич был современником и строителем новой, чудесной эпохи. Не закрывая глаза на суровые, теневые стороны жизни, он ясно видел перспективу нашего трудного, победного пути в будущее.

Лирический герой Леонида Равича, переходящий из стихотворения в стихотворение, от незрелых юношеских опытов до волнующей поэмы о защитнике Ленинграда в Великой Отечественной войне, — во многом сродни героям поэзии и поэтической драмы Михаила Светлова, его мечтательному хлопцу, узнавшему из книг о том, что Гренадская волость в Испании есть, и пошедшему воевать, «чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать». Об этой живой, революционной мечте поколения очень хорошо сказано в песне, включенной в поэму Равича «Рядовой»:

Нам еще далёко до пенсии.
Мы живем в самом светлом краю.
Но хотим над холмами Валенсии
увидать свободы зарю.

Равич познакомился с Маяковским, будучи уже студентом Пединститута имени Герцена. И совершенно естественно, что после окончания литфака молодой учитель отправился туда, куда звал его Маяковский, где через четыре года будет город-сад, — на Кузнецкстрой.

В его маленькой, изданной в библиотеке комсомольского журнала «Юный пролетарий», книжке «Рапорт» были строки обращения Ленинградского комсомола к XVI партийному съезду: следовать по трудному пути, на который звал Маяковский. «Нам нужны поэты-агитпропы, как в бою отличные стрелки», — говорилось в «Рапорте».

Когда Равич приехал на Кузнецкстрой, там уже выселились чудо-цеи, из которых каждый был равен заводу, громоздились домны, но зеленого города-сада не было и в помине.

Равич обладал с юности завидной для писателя особенностью находить интересных людей, вернее (люди все интересные) так располагать собеседника к себе, чтобы тот сам раскрыл значительные, только ему известные случаи, жизненные эпизоды.

Я помню, что именно от Равича услышал драгоценную для меня подробность, рассказанную ему одним из строителей Кузнецка, о том, как русские рабочие подарили приехавшему к ним в гости Тельману небольшой самовар и с какой охотой Тельман ставил и разогревал его.

На Кузнецкстрое Равич работал редактором радиовещания, преподавал, печатал стихи и очерки. Равич сдружился там с многими интересными людьми, с бывшим партизаном,

машинистом и поэтом, председателем цехового комитета, с корректором газеты, соратником Велемира Хлебникова, носившего с гордостью фантастическое имя «заместителя председателя земного шара». Да и можно ли хотя бы коротко перечислить всех добрых знакомцев Равича, садоводов, землекопов, торговых моряков, поваров, молодых и седых поэтов?

В 1935 году Л. Равич переехал из Западной Сибири в Мурманск. Надолго запали в его сердце картины разбуженного к творческой жизни края. В стихах, напечатанных в газете «Большевистская сталь», есть проникновенные строки о смерти прораба, участника штурма Перекопа, пробившего в тайге туннель, о бессмертии его дела; есть стихи и о молодом геологе, который

...Песню тихую поет
О грусти сентября
Он смотрит долго на звезду...
Наверно, он искал руду,
Как я ищу тебя.

В Мурманске Равич работал недолго — литературным редактором Радиокомитета и одновременно преподавателем на рабфаке. Вскоре он вернулся в Ленинград, где с 1936 года до начала войны опять преподавал русский язык и литературу в Военном училище имени Кирова.

В эти годы он часто выступал на страницах ленинградских газет со стихами, фельетонами, очерками, написанными на злободневные, оперативные темы.

В 1940 году, когда при составлении сборника «Маяковскому» мы с С. Д. Спасским обратились к Л. Равичу с просьбой рассказать о встречах с поэтом, он написал воспоминания, принадлежащие, по отзывам критики, к числу лучших.

Почему же после первого небольшого сборника, вышедшего в 1930 году, Равич при жизни не издал ни одной книги? Причиной тому, как мне думается, некоторые черты характера Равича. По многу раз возвращался он к стихам, дорабатывая, шлифуя их.

Вновь и вновь учился он у людей, у жизни. Проходили годы. И, может быть, кое-кому казалось, что этот скромный, внешне немного чудаковатый (Равич с детства страдал глухотой) человек так и останется только адресатом Маяковского. Но случилось по-иному. С первого дня Великой Отечественной войны, пойдя добровольцем в народное ополчение, Равич с новой силой использовал вверенное ему оружие — поэтическое слово. Двадцать четвертого июня 1941 года в «Ленинградской правде» было опубликовано стихотворение Равича «Идет народ-герой». Исполнилось то, о чем он писал в 1940 году в стихах, обращенных к Маяковскому:

Молнией
окаймлена погода.
Вот работы
было бы у Вас!
Мы увидимся еще
в рядах похода...

Уже в начале войны Равич перенес грозное испытание. Он был в окружении, вместе со студентами-лесгафтовцами партизанил в лесах Ленинградской области. В день, когда Равич вернулся в родной город, на Ленинград были сброшены первые фашистские бомбы, одна из которых разрушила дом на улице Маяковского.

Равич служил бойцом в стрелковом полку, а с осени 1942 года до конца войны во фронтовой газете, участвовал в боях, был тяжело контужен.

У сотрудника газет «Вперед за Родину», «Удар по врагу», «За Советскую Отчизну» лейтенанта Равича был еще ряд имен и званий: «Старшина Бабкин», «Сержант Булавка», «Ефрейтор Тимохин». Под этими именами опубликовано немало боевых корреспонденций, сатирических и лирических стихов, побившихся армейским читателям.

После демобилизации, в декабре 1945 года, Равич занялся, как писал он в автобиографии, «творческим обобщением событий Великой Отечественной войны».

В послевоенные годы, в связи с резким ухудшением здоровья, он вынужден был оставить любимую педагогическую работу, но по-прежнему отдавал много сил своего щедрого сердца литературным консультациям и творческим кружкам.

Он сидел за машинкой, перепечатывая написанные от руки стихи. В клетке насвистывал снегирь. А в окно настойчиво стучались новые темы. Не надо было ходить далеко — рядом возводили дом, в Таврическом садоводстве шел осенний цветосбор, пламенели гвоздики для Октябрьских празднеств.

Когда Равич выступал на партийных собраниях (кандидатом в члены партии он был принят на фронте), он говорил обычно: «Вчера я встретил...» — и начинался интереснейший жизненный рассказ сперва отдаленно, а потом все более ясно имевший внутреннее отношение к разбираемому вопросу.

Поэт с молодым увлечением писал о снайпере Куканкове, гасившем фашистскую «люстру», а сейчас готовившем всамделишную люстру для мирного Дворца культуры, рассказывал о садоводах, учителях, строителях, вспоминал о погибшем у Пулковских высот комсоре:

Он мечтал о трудных тропах,
В грезах он на Марс летал.
О грядущих телескопах
Он нам лекцию читал.

В одном из послевоенных стихотворений Равича есть строки: «Я не люблю дублированных фильмов, крепленных вин и выбритых бровей. Естественность — черта красивых, сильных...» Такою естественностью и привлекают стихи Равича. Как просто и хорошо его стихотворение «Приготовление обеда», где поэт создает как бы натюрморт, описывая все, что необходимо для варки пищи. Потом он вспоминает о партизанах на Тайване, мечтающем хотя бы о росинке воды, о коммунисте, объявившем голодовку в одиночестве американской тюрьмы.

О, как бы я хотел, чтобы ко мне пришел
Тот коммунист и партизан Тайваня.
Горячий борщ поставил бы на стол,
Домашний квас бы заиграл в стакане...
Но думаю: придет счастливая пора
Невиданного, радостного пира.
Не я, так что ж — другие повара
По-братски угостят борцов за счастье мира.

Это и есть та естественность, тот реальный и умный взгляд на обыкновенные и рядовые явления, о котором говорил Маяковский: «Но бывает, жизнь встает в ином разрезе и большое понимаешь через ерунду».

Равичу не было и сорока девяти лет, когда его не стало, умер он 24 февраля 1957 года.

Настоящая книга включает в себя избранные произведения Л. Равича (он писал и прозу), печатавшиеся в «Звезде», «Огоньке», «Ленинградском альманахе», на страницах фронтовых газет, «Известий», «Ленинградской правды», «Большевистской стали», а также оставшиеся в рукописях. Некоторые из публикуемых произведений, в связи с тем, что автор при жизни не успел их доработать, печатаются с сокращениями.

Вглядитесь в добрые, дружеские черты лица поэта, вслушайтесь в его мягкий, южный, певучий голос:

Мы хотим наяву, а не в сказке
посмотреть далекий Китай,
побывать там, где был Пржевальский,
где прошел Миклухо-Маклай.

Нам еще далёко до пенсии.
Мы умеем трудиться, мечтать,
чтоб зарю над холмами Валенсии
и китайский рассвет повстречать...

Всеволод Азаров

Н А Ч А Л О

ГОЛУБЬ

Посвящаю другу А. Пражскому

Над зеленой бронзой сосен
Звезды ранние застыли,
Над Невою голубь носит
Перламутровые крылья.
Он плывет к звезде высокой
От гранитных скал и шума.
Под волновый медный рокот
Выплывают дни и думы.
Детство. Игры. Тихий дворик
(Не придут те дни обратно),
Я встречал когда-то зори
У веселой голубятни.
И с друзьями-босьяками
Воровал в садах ранеты.
И на крыше с голубями
Вырастал, шутя поэтом.
Я следил влюбленным взором
В синь высокого тумана
За голубкой златоперой,
За серебряным турманом.

...Но пришла пора глухая —
Тьма направо, дым налево,
По дорогам не стихают
Гайдамацкие напевы.
Шла петлюровцев орава
На цветущую Полтаву,
Пролетали пыльным шляхом
Злые кони-карабахи.
...Над рекою банда пела,
Пьяно празднуя победу.
...На траву упало тело
Моего седого деда.
А петлюровец чубатый
О штанину шашку вытер.
Ночь. Костры. Гремят гранаты,
И поют в лесу бандиты.
Поломали кони садик...
Мать таила тихо горе.
Офицер плясал усатый.
И позванивали шпоры.
Заливались тонким звоном
Балалайки пьяной трели.
Офицерские погоны
Над попойкою горели.
Я глядел на дым закатный,
На синеющее взгорье.
У разбитой голубятни
Я стоял, прибитый горем.
В темноте зияли гнезда.
Только нежный пух да перья...
Вспомнил я — хрустели кости
Под зубами офицера.

А хорунжий в полушубке
Наливал вино в стаканы.
Ел вишневую голубку
И веселого турмана.
Ночь струилась звездным мраком,
Ветер в тополях елозил,
Я у голубятни плакал
И ронял на перья слезы...
Уходили гости злые
Темной ночью
Пыльным шляхом,
Скрылись кони вороные
И овчинные папахи.
По оврагу, по долине
Я шатался грустный, хмурый.
Над могилой голубиной
Я поклялся мстить Петлюре.
...Убежали без оглядки
Годы-кони, годы бедствий.
Камнем звонким из рогатки
Улетело мое детство.
И давно уже бандиты
Красной конницей побиты.
У Полтавы, под бурьяном,
Догнивают гайдамаки,
А Петлюру-атамана
Пристрелили, как собаку,
И за новою оградой
Садик пышно вырастает.
Только нет моей отрады —
Голубиной нежной стаи.
Я давно свой дом не видел,

По иным краям брожу я.
Нынче вспомнил я обиду,
Детство, стаю голубую
И далекий тихий дворик.
Там в зеленой мгле закатной
Реет месяц златоперый
Над разбитой голубятней.